

Исследования

Полемику Пушкина рассматриваете
у Благого ("От Кантемира до
наших дней", тт. 1-2, М., Худ. лит.,
1972-1973). Это в 1-м томе.

Тема преступной любви старика и мо-
лодой девушки (инцест) проходит
в "Полтаве" Пушкина, "Страш-
ной месть" Тоголя и "Ходячке"
Дост-го. Вообще "Страшная
месть" - необычайная, исключит.
вещь, в к-рой пересекается нек-ко
линий. Мазенд, колдун Тоголя,
Мурик.

Эврика! "Imbroglío" Огюевского от-
разилось в рассказе ~~Р~~ Рогожина
об издевательствах Наст. Филипповны.
Перевести новеллу!

Исследования

Мифопоэтика «Звезды и совести»

А. Р. Зарипов

Исследовательский интерес Назирова к мифу можно, видимо, отнести к 1970-м гг., когда он создаёт свой курс «Истории религиозной мысли». В 1980-х и 1990-х гг. в уфимском периодическом сборнике «Фольклор народов РСФСР» выходят его статьи, посвящённые фольклорно-мифологическим сюжетам. Среди последних есть несколько обобщающих культурологических штудий («Генезис и пути развития мифологических сюжетов», «Вторичное мифотворчество средневековья» и др.). Миф интересовал Назирова в историческом аспекте, что было бы логичным связать с увлечённостью исследователя вопросами истории и философией истории.

В полном объёме его оригинальная концепция мифа как одного из двигателей мирового исторического процесса стала известна гораздо позже. С. С. Шаулов пишет: «Итоговым трудом, соединяющим в себе эти линии творческой биографии Назирова, является, по всей видимости, написанная в конце XX века и изданная посмертно книга «Становление мифов и их историческая жизнь». «Звезда и совесть», датируемая серединой 1970-х, вполне может оказаться хронологически первым крупным результатом развития этих интересов»¹. Иллюстрацией данной гипотезы может служить сравнительная таблица текстов «Звезды и совести» и «Становления мифов. . .», помещённая в Приложении к данной работе. Именно поэтому роман предстает не только как факт истории региональной культуры, но ещё и как возможный результат или «отражение» культурно-мифологической концепции Назирова.

Как отмечает Р. Р. Вахитов, Назиров вслед за А. Ф. Лосевым разделяет мифологию на абсолютную и относительную, но трактует эти термины иначе: «...если у Лосева абсолютная мифология-это православие, которое он понимал как истинное, незамутнённое исконное христианство, то для Назирова абсолютная мифология-это просто мифология древняя и средневековая, которая всегда «религиозна и органична», то есть мифология любой религии, не обязательно православия-от фетишизма до пуританства. Относительная же мифология, по Назирову-от мифология новоевропейская и современная, смешанная с рацио-

¹Шаулов С. С. Место романа «Звезда и совесть» в творческом наследии Р. Г. Назирова. Предисловие // Назировский архив. 2016. № 1. С. 7.

нальностью, не осознающая свою связь с религией и мифологическую природу, уродливо паразитирующая на частных аспектах абсолютной, зачастую рядящаяся в одежды науки»².

В «Звезде и совести» главным образом изображен христианский миф, отнесённый Назировым к смешанному типу мифов, т.к. он «впитал в себя не только различные восточные влияния, но и синтезировал их с историцизмом Библии. . . »¹. Мифы и представления о них можно найти на разных уровнях романа, в разных формах и в разном объёме. Они обладают разными функциями и по-разному взаимодействуют друг с другом.

Изучением того, как функционируют мифы в литературных произведениях, занимается мифопоэтика, которая является составной частью поэтики как таковой. Для рассмотрения структуры текста с точки зрения мифа выделим следующие уровни представления мифов в тексте «Звезды и совести»:

1. Миф в виде упоминаний мифологического имени, прямых отсылок к различным верованиям и ритуалам активно присутствует внутри романного мира, формирует сюжет, влияет на сюжетные отношения персонажей, выступает как средство психологических характеристик и т.д.

Наиболее очевидно мифы представлены в авторской речи, при этом они получают авторскую оценку и в диалогах персонажей. Например, миф о приходе Мессии в самом начале романа описывается так: «Они верили, что Мессия сломает ярмо на шее избранного народа Божия; он станет на берегу Иопнии и повелит морю выбрасывать жемчуг к своим ногам; он оденет свой народ в багряницу, украшенную драгоценными камнями, и будет питать его манной ещё более сладкой, чем какая ниспосылалась в пустыне после Исхода. Все эти легендарные пророчества были только формой поэтической экспрессии, без которой не умел мыслить этот упрямый и мечтательный народ»². (9) Далее по ходу повествования в речах героев эта мысль находит подтверждение: Иоханан трижды вопрошает у Йешуа, является ли он Тем Самым; главарь разбойников хочет узнать, скоро ли приход Мессии и т.д.

В главе «Таинственное убежище», в которой герои посещают Дом Рыбы и воочию видят следы древнего, добиблейского культа, Назиров даёт обширный комментарий об иноземных влияниях на иудейскую мифологию: «Не сразу евреи пришли к единобожию; следы иных культов, особенно поклонения быку и змее, сохранились в библейской книге “Исход” и в других книгах, хотя, естественно, передались через десятки поколений жрецов и поэтов в искажённом виде». (93)

В целом, можно говорить об открытой авторской рефлексии над особенностями мировоззрения людей той эпохи с использованием тропа эмблемы: даются надпись, картинка и подпись. Покажем реализацию данного приёма в сцене с черепом лошади: «Путники заколебались. Симон Зелот решительно двинулся вперед. И тут впереди показался тусклый огонёк. И все пошли за Симоном.

²Вахитов Р. Р. Р. Г. Назиров как философ мифа и его полемический диалог с А. Ф. Лосевым // Назировский архив. 2015. № 4. С. 109.

¹Там же.

²Текст цитируется по: Назиров Р. Г. Историческая проза. Том I. Уфа, 2016. Далее ссылки даются в тексте с указанием страниц.

Прошли шагов двадцать: огонёк словно висел над дорогой. Сделали ещё несколько шагов, и у всех (кроме одного) вырвался крик ужаса». (52–53) Надпись или девиз-страх перед неизвестным.

Следующее предложение передаёт картинку: «Они увидели над дорогой лошадиный череп со светящимися глазами». (53)

И третий член эмблематической конструкции-подпись: «В ту эпоху мир был заражен суевериями. Евреи и римляне, вавилоняне и греки, египтяне и скифы одинаково верили в духов». (53)

Анализ эмблематичности как приёма введения мифа в художественный текст интересен потому, что здесь от мифопоэтики намечается выход в плоскость творческой «технологии» Назирова. Причём, эта творческая «технология», похоже базируется именно на совмещении авторских позиций-условных «литератора» и «историка». Первый даёт картинку, второй её дешифрует, но при этом вся структура функционирует все-таки именно как художественный объект, то есть не поддается окончательной, в современной терминологии-«тотальной» интерпретации.

Заметим, что в научной прозе Назирова очень часто возникают похожие структуры, но там «учёный» перевешивает, и весь объект становится логически познаваемым. А в «Звезде и совести» полностью рациональное толкование эмблемы автор «блокирует» именно за счёт принципиальной многозначности мифа: то есть миф «ломает» рациональность текста, поскольку, входя в текст, всегда сохраняет связь со своими внетекстовыми смыслами.

2. Присутствие мифа в романе создаёт также особый уровень смыслов, ориентированных на формирование определённой читательской интерпретации, — символический уровень.

Здесь наибольший интерес представляют постоянные эпитеты, употребляемые по отношению к Йешуа и Иоханану: первый отождествляется со звездой, а второй-с пламенем. Соотнесение Христа со звездой вполне соответствует каноническому христианскому мифу о звезде Вифлеемской, появление которой возвещало рождение Мессии. В романе данное предсказание передается звездочётом Аароном во время беседы с Йешуа.

Ассоциация Иоханана с пламенем является авторским решением, его корни-в уподоблении «льва пустыни» Илие, о чем неоднократно говорится в романе. Даже Йешуа говорит Иоханану: «Сегодня ты Илия». (36) Библейские сказания об Илье-пророке связаны с сюжетами о божественном огне, ему приписывают владение огненной колесницей и т.д. Фигура Иоханана, обретая огненные черты, становится более близкой к ветхозаветной мифологии, хотя традиционно считается, что он на находится на стыке двух традиций.

Тогда противостояние Йешуа и Иоханана, венчающееся фразой: «Звезда оказалась сильнее огня» (31) становится символом торжества Нового завета над Ветхим, переходом от иудейской к христианской мифологии. Подтверждением тому служит не только победа Йешуа в споре с Иохананом, но и его слова: «Я чту закон, но добавляю к нему новое толкование». (31)

В «Становлении мифов и их исторической жизни» есть место, перекликающееся с цитатой из романа: «Христианская реинтерпретация Библии — перенос центра тяжести на текущую историю, которая первоначально мыслилась христианами чисто эсхатологически. Библия была использована как символический язык для нового учения»¹. Можно предположить, что смена одной библейской традиции на другую имела важное значение как для Назирова-писателя, так и для Назирова-учёного.

3. Наконец, нужно обратить внимание и на тот уровень осмысления, на котором роман требует интерпретации уже как художественное целое — в единстве всех структурных элементов, обобщённо воспринятое читателем. Можно также говорить и том, что это уровень собственно авторской концептуальной реинтерпретации христианского мифа.

Этот уровень явно распадается на две магистральные темы: зарождение христианства и мифологизация Йешуа.

3.1 Возникновение христианства

Необходимым условием для возникновения религии Назиров считал этизацию мифа: «С этизации мифов начинается религия и гарантом морали, а значит, и собственности выступает бог»¹. Победа нравственного начала над личной волей и над судьбой — лейтмотив двух идеологических споров в романе-встречи Йешуа с Иохананом и беседы со звездочётом Аароном.

«Лев пустыни» оказывается сторонником вооружённого восстания с целью захвата власти: «Во имя Грядущего за мною я пойду на Город Могил, и тогда Ахав с Иезавелью исчезнут, как летучая трава пустыни, гонимая хамсином. Ибо такова воля Господа, а я же послушный раб, светильник ему предносящий». (28) Йешуа, напротив, выдвигает утопическую идею о нравственной эволюции всего народа: «Если все дети Израиля станут так же молиться, как ессеи, носить белые одежды, не вкушать убоины, и на том престанут, то это будет лишь превращением внешнего образа. Я же хочу, чтобы народ оставался на своих нивах и пастбищах и жил жизнью земли, но исполнился бы света, подобно людям Божией воли, и чтобы возлюбил бедность паче богатства, и не давал бы денег сынам тьмы. Да будет стыдно богатому!..» (31–32)

Репрезентируемая в беседе «звездаря», астролога Аарона с Йешуа этизация мифа тоже находит свои концептуальные параллели в «Становлении мифов. . . ». Например, в диалоге Йешуа с Аароном, в котором первый опровергает существование судьбы:

«— Но какой же смысл бороться против Судьбы и не мудрее ли прозябать, как ты говоришь?»

— Истинно говорю тебе, совесть превыше судьбы, и воля Бога Живого свершается каждый день». (108)

В упоминавшейся уже монографии «Становление мифов. . . » Назиров-учёный утверждает следующее: «Христианство победило и древнюю судьбу, и слепую Фортуну»².

¹ Назиров Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь. Уфа, 2014. С. 106.

¹ Там же. С. 51.

² Там же. С. 90.

3.2 Мифологизация Йешуа

Другой важной вехой в рождении новой религии выступает обожествление личности Йешуа. Можно выделить несколько причин:

1. Общественная ситуация, актуализировавшая бытовавший в народе миф о приходе Мессии: «Вся их жизнь состояла в ожидании Мессии. Что мог поделаться Йешуа против пламенной веры целого народа, искавшей свой предмет?» (124)
2. Астрологическое предсказание-звезда, возвещающая рождение истинного царя иудейского.
3. Необыкновенные исцеления, трактуемые как чудо и фантастическая проницательность Йешуа Назарея: «Народ видел в нём уже не просто врача, а чудотворца». (137)
4. Мифологема умирающего и воскресающего бога растительности. Назиров уделяет ей много внимания в своём курсе «История религиозных учений». Повествование заканчивается преддверием Нагорной проповеди, однако идея о будущем воскресении не раз встречается в тексте. Так, оказавшись в лагере Иоханана, путники встречают Анастасия (буквально «воскресший»)-зелота, который был распят, но спасён Иудой из Гамалы: снят с креста и «обрёл вторую жизнь». На совещании Ирода Антипы один из его советников сообщает новость: «- И это ещё не всё, о царь! — продолжал Мелеагр. — Труп Ионы был выдан родственникам, они погребли его в своей родовой пещере, а пещеру запечатали. Вчера его тело было выкрадено.

<...>

Сегодня в синагоге и на рынке уже говорили, что Иона воскрес». (84)

Наконец Аарон делится с Йешуа следующим предсказанием: «...Друзья написали мне из Египта, что, по глаголу тамошних жрецов, птица Феникс готовится умереть и восстать из пепла. Это означает большую перемену времён.

— Тоже правда, — подтвердил Йешуа». (112)

Открытым остается вопрос о принципах авторского переосмысления мифа. Напрашиваются параллели с Ренаном и Штраусом, хотя ограничивать роман лишь исторической реконструкцией кажется не совсем верным потому, что, во-первых, Назиров предпринимает попытку реконструкции целого комплекса мифологем, создавших христианский миф, а во-вторых, образ Йешуа не столь однозначен: в первой части романа он совмещает в себе черты и культурного героя, и трикстера, т.к. он разрушает общепринятые представления, много и искусно спорит, играя парадоксами, по словам Иоханана, он его околдовывает. Даже внешне он описывается как «безобразный», «горький урод» и т.д. Зато во второй части романа резко меняется не только его поведение, но и даже сам облик. Теперь он «красивый человек с чёрной бородой и длинными волосами», который не любит тратить время на лишние разговоры. (130) Возможно, причина в том, что в повествовании в этот момент появляется Иуда Иссахариот, традиционно принимающий роль трикстера на себя.

Перечисленные выше сложности и другие «тёмные» места текста позволяют выдвигать разные гипотезы относительно соотношения мифа и религии в «Звезде и совести». Возможны две полярные точки зрения: в первом случае роман можно прочесть как преодоление мифа и наступление эпохи христианства, для которой мифология была лишь необходимой предпосылкой. Следование воле Бога, совесть и любовь ко всему живому («Бог есть любовь») знаменуют собой зарождение новой культуры. Текст заканчивается словами: «Незадолго до срока он взойшёл с ними на гору». (144) Следуя логике реконструкции евангельских событий, следующей сценой должна была стать Нагорная проповедь и начало новозаветного времени. По крайней мере, открытый финал оставляет возможность для подобной интерпретации.

С другой стороны, Назиров не использует стилизаций под евангельский текст, авторские ремарки в романе написаны в жанре научного комментария-ничто не указывает на то, чтобы автор исповедовал христианство. Но и воинствующим атеистом назвать его нельзя уже потому, что он пишет роман о Христе, не ставя под сомнение сам факт его существования. Автор выводит Йешуа как реальное историческое лицо, благодаря ей исключительности постепенно приобретающее мифологические черты в глазах современников, превращаясь из человека в Бога. Тогда можно считать, что роман разворачивает перед читателем процесс мифологизации, рождения религиозного мифа в исторических декорациях: «Христианство еще более усилило моторизованную форму мифа, возведя в ранг Сына Божия историческую личность галилейского проповедника Йешуа, одного из вождей неугасимого еврейского сопротивления против римского ига и местных коллаборационистов»¹.

¹Назиров Р. Г. Генезис и пути развития мифологических сюжетов // Фольклор народов России. Русский фольклор Башкортостана в его межэтнических отношениях: Межвузовский научный сборник. Уфа, 1995. С. 155.

